

Клиентов становилось всё больше. Сначала Чэн Хао ещё мог обмениваться с ним парой слов, но в конце концов полностью погрузился в готовку и нарезку лапши. Когда всё закончилось, он свалился в единственное деревянное кресло в магазине, его голос звучал устало и слегка хрипло, но с ноткой притягательности:

— Ты сам будешь ездить? Я слышал, что зарплата немалая, но дороги плохие, и часто встречаются хулиганы. Это небезопасно.

Лян Цзинь подошёл к нему сзади, положил свои широкие ладони на его плечи и начал массировать. Видя, как Чэн Хао с удовольствием прикрывает глаза, он улыбнулся:

— Я не поеду, найду надёжного человека. В нашем уезде есть несколько прибыльных шахт, и я думаю о Боси. Если смогу попасть в их транспортную команду, это сэкономит много сил.

В уезде Цинъюань все слышали о Боси. За последние годы о них не было плохих слухов, и самое главное — работы всегда хватало. Транспортный бизнес требует вложений, и деньги придётся тратить. Чэн Хао подумал:

— Решай сам, но лучше заранее всё выяснить. Будь осторожен, ведь придётся вкладывать и деньги, и силы.

Лян Цзинь, живя в прошлом, знал о развитии уезда Цинъюань. Хотя Боси позже пришёл в упадок, после того как его взяли под контроль Чжу Цинхэ и Жуань Му, бизнес снова пошёл в гору. Строительство дорог, открытие новых заводов — всё расширилось. Он выбрал правильный путь.

Руки Лян Цзиня были сильными, но он старался не давить слишком сильно, внимательно наблюдая за выражением лица Чэн Хао. Перед ним были густые чёрные брови, высокий нос и сухие, но приятные губы, слегка приподнятые в улыбке. Трудные годы не оставили следов на его лице, кроме небольшого загара, он всё ещё был очень привлекательным. В девятнадцать лет он ещё не стал зрелым мужчиной, но жизненные испытания придали ему всё больше твёрдости и спокойствия.

— Чэн Хао, тебе не кажется, что... ты меня больше не узнаёшь? — Лян Цзинь остановил руки и тихо засмеялся. — После каждого события я становлюсь взрослее. Дело с отцом... Я понимаю, что если продолжу терпеть, то в будущем будет только хуже. В конце концов, полагаться на других — не долгосрочная стратегия. Я не могу выпрямить спину, и дом не удержу. Я, как и ты, должен заставлять себя двигаться вперёд.

Чэн Хао вспомнил о большой семье Лян, и у него заболела голова. Со стороны было больно смотреть, не говоря уже о том, чтобы втягиваться во всё это. Он не настаивал на том, чтобы знать, чем занимался Лян Цзинь каждый день, но тот, непонятно почему, стал рассказывать ему обо всём, как примерный ученик. Иногда он думал, что, возможно, это просто привычка к близости с человеком.

Лян Саньбао перед Новым годом устроил грандиозное празднование, что было редкостью в деревне. Люди произносили вежливые слова, но в душе смеялись. Как можно так торопиться, когда второй сын только недавно умер? Родители, даже если и предпочитали одного ребёнка другому, могли бы хотя бы дождаться конца года.

Сун Дуншэн, к удивлению, не стал важничать и пришёл вместе с Лян Хуайюй. Они разговаривали и смеялись, как будто ничего не произошло.

Лян Цзинь вышел из дома и столкнулся с ними. В душе он усмехнулся: мастерски сохраняют видимость спокойствия. Надеюсь, они ещё смогут улыбаться в будущем. Он пошёл за углём, но Сун Дуншэн остановил его. Вся семья Лян вздрогнула — солнце, видимо, взошло с запада, если высокомерный Сун Дуншэн заговорил с Лян Цзинем так дружелюбно. И что он сказал? У друзей есть хороший уголь, и он может привезти его на машине.

Лян Цзинь ухмыльнулся:

— Это неудобно, я не хочу беспокоить дядю. У нас хватает угля, лучше отдайте его бабушке. Она всё время жалуется, что печь не разжигается, и весь двор в шуме.

Сун Дуншэн не ожидал, что будет общаться с этим подростком, и в итоге оказался высмеян. Он пожал плечами и больше не говорил на эту тему. Его молчание расстроило остальных членов семьи Лян. Они все помогали, когда у старшего зятя были дела, но когда дело доходило до хорошего, их забывали.

Бабушка Лян, общаясь с гостями, услышала слова зятя и хотела похвалить внука за благоразумие, но Сун Дуншэн замолчал. Сегодня был праздник, и она не хотела ссориться, но в душе уже строила планы, как всё вернуть.

Матушка Лян, ради Лян Хуайминя, помогала с организацией. Соседки, сочувствуя ей, уговаривали:

— Ты столько лет страдала, теперь, наконец, можешь жить спокойно. Не спорь со свекровью, пусть говорит, что хочет, а ты просто не обращай внимания. В будущем ты будешь жить ради своего А Цзиня. Когда он добьётся успеха и приведёт хорошую невестку, жизнь станет прекрасной.

Матушка Лян соглашалась, и в душе уже мечтала о невестке и внуках, но скромно отвечала:

— Он ещё молод, подождём, пока он сможет по-настоящему содержать семью. У меня только он один, и нужно выбрать достойную.

Праздник был радостным только для Лян Саньбао. Простой фермер, ничего не умеющий, смог жениться на выпускнице школы — такого в деревне ещё не было. Свадьба была пышной, с машинами для встречи невесты, и все завидовали.

Остальные только внешне улыбались, но в душе строили свои планы. Лян Цзинь не хотел смотреть на них. В последнее время он устал и воспользовался моментом, чтобы вздремнуть в укромном месте. К трём часам дня свадебная процессия вернулась. Как младший, он должен был поздороваться, а мать, как старшая невестка, должна была дать подарок и красный конверт.

Бабушка Лян была жадной и потребовала по сто юаней с каждой семьи. Лян Цзинь усмехнулся, наклонился к матери и что-то прошептал. Матушка Лян удивилась, но кивнула:

— Хорошо.

Невеста, следуя за распорядителем, познакомилась со всеми родственниками Лян. Вторые и третьи тётки неохотно дали по сто юаней. Распорядитель оглашал суммы, и деревня завидовала ещё больше. Когда очередь дошла до Лян Цзиня, матушка Лян достала двадцать юаней и тихо сказала:

— Третий брат женился, теперь живите хорошо.

Бабушка Лян не выдержала и зло посмотрела на матушку Лян:

— Ты мыслишь, что умная? Это позор для второго сына. Если бы он был здесь, он бы отдал всё, а ты, чужая, всё уменьшаешь. Ты мыслишь, что умнее всех? Ты позоришь второго сына.

Лян Цзинь шагнул вперёд и встал рядом с матерью:

— Я впервые вижу тётю, а она мне не даёт свадебных денег? Это несправедливо.

Бабушка Лян внутренне ругалась. Эта семья совершенно бестактна и портит праздник. Она раздражённо сказала:

— Заткнись, распорядитель, продолжайте. Что с них взять? Мать и сын — несчастливые люди, лучше бы их не было здесь.

Лян Цзинь сразу же ответил:

— Если бы не память об отце, я бы и двадцати юаней не дал. После драки с третьим дядей всё уже ясно. Сто юаней? Бабушка, вы, видимо, мыслишь, что у всех есть банки, чтобы вы могли вымогать деньги. Не знаю, для кого вы стараетесь, чтобы другие голодали.

В такой радостный день его слова вызвали недовольство. Раньше Лян Цзинь бы промолчал, но поведение семьи в этот раз было слишком бесчувственным. Он не мог смириться с тем, что бабушка так унижала мать перед всей деревней. Раз уж старший дядя и тётки тоже были недовольны, он решил втянуть их всех в этот разговор, чтобы никто не остался в стороне.

Бабушка Лян инстинктивно посмотрела на своих дочерей, на их лицах была явная фальшивая улыбка. После слов Лян Цзиня они выглядели смущённо и соглашались с ним.

Лян Хуайюй смотрела на эту сцену с раздражением. На свадьбе третьего брата мать всё время приставала к ней, и она хотела просто спокойно всё закончить, но мать не могла держать язык за зубами и снова создала проблемы.

Окружающие начали шептаться:

— Говорят, что старший зять пообещал устроить на работу, поэтому и согласились на брак. Иначе, кто бы посмотрел на такого, как Саньбао?

<http://bllate.org/book/16631/1523426>